

Л. а.
26731.

КФ

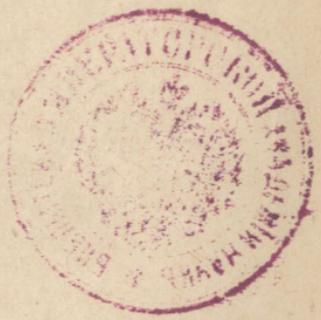
КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА № 2

В. ВЕРЕСАЕВЪ

ТЕМНЫЙ ПОЖАРЪ

(О СВОБОДѢ СЛОВА)

ЦѢНА 15 КОП.

Т ВО „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

62626

О СВОБОДѢ СЛОВА

Свобода слова значить вотъ что: всякій гражда-нинъ имѣеть право свободно высказывать все, что онъ думаетъ, и никто не имѣеть права запрещать, ему дѣлать это.

До революціи у насъ не было свободы слова. Можно было говорить только то, что позволяло начальство. И начальство строго слѣдило, чтобы никто не говорилъ ничего безъ его разрѣшенія. Нельзя было, напримѣръ, выйти на площадь и начать говорить народу, или прійти въ деревню, собрать мужиковъ и бесѣдовать съ ними, или прійти въ казарму къ солдатамъ, или на фабрику къ рабочимъ. Нужно было раньше заявиться въ полицію и объяснить, что вотъ, молъ, хочу говорить народу то-то и то-то. Полиція обсуждала и рѣшала, можно-ли позволить этому человѣку говорить, или нѣтъ. Если же кто-нибудь выступалъ безъ разрѣшенія, его сейчасъ-же арестовывали, какъ преступника.

Чтобъ сойтись и поговорить свободно, людямъ приходилось тайно собираться гдѣ-нибудь въ рощѣ, за городомъ; шли небольшими кучками, окольными дорогами, чтобы не прослѣдили шпионы, на мѣстѣ говорили съ опаскою, постоянно оглядываясь и прислушиваясь; на опушкахъ стояли повсюду сторожевые сигнальщики, чтобы дать знать, если покажется полиція. Если начальству удавалось провѣдать прѣ такой тайный митингъ, сейчасъ-же туда посылали конныхъ городовыхъ и стражниковъ. Они налетали на собравшихся, били нагайками, топтали лошадыми, арестовывали и отводили въ тюрьму.

Нельзя было даже собраться десяти-двадцати человекамъ въ частной квартирѣ. Дворники обязаны были слѣдить за всѣми жильцами и сейчасъ-же доносить въ полицію, если въ какой-нибудь квартирѣ происходило собраніе. Являлась полиція и жандармерія, занимала всѣ выходы, обыскивала присутствующихъ, переписывала ихъ, допрашивала, — зачѣмъ собрались? Опытные люди, уже побывавшіе въ такихъ передѣлкахъ, всегда заранѣе готовились къ посѣщенію незваныхъ гостей: разставляли на столѣ водку и закуску, раскладывали игральныя карты и объясняли полиціи, что собрались выпить и перекинуться въ картишки. Это разрѣшалось. Разговаривать о своей тяжелой жизни, объ обидахъ своихъ и притѣсненіяхъ было нельзя. Но пьянствовать, играть въ карты, — это дѣло другое, это можно было, сколько угодно.

Понятное дѣло, полиція разрѣшала говорить только то, что было полезно для правительства или, во всякомъ случаѣ, не вредило ему. Напримѣръ, свободно разрѣшалось, гдѣ угодно, выступать черносотенцамъ и проповѣдывать, что царь-батюшка только и думаетъ о томъ, какъ бы народу было лучше. Но сейчасъ-же хватали того, кто пытался открыть народу глаза и показать, что царь держитъ всегда руку богатыхъ и сильныхъ, а объ народѣ и не думаетъ. Если рабочіе начинали стачку, то хозяинъ, губернаторъ или исправникъ свободно могли убѣждать ихъ прекратить стачку и стать на работу. Но если являлся социаль-демократъ и убѣждалъ рабочихъ стойко бороться за свои права, держаться крѣпко и не уступать, шпионы сейчасъ-же давали знать жандармамъ, социаль-демократа сажали въ тюрьму и ссылали въ Сибирь.

Вообще полиція очень неохотно разрѣшала какія-нибудь собранія, особенно рабочаго народа: нечего имъ привыкать держаться вмѣстѣ, слушать рѣчи и обмѣниваться мнѣніями. Если на улицѣ сходились поговорить хоть семь-восемь человѣкъ, сейчасъ же подходилъ городской и строго приказывалъ разойтись.

Говорятъ, что петербургскаго градоначальника Грессера однажды спросили:

— Что бы вы сдѣлали, если бы на улицахъ Петербурга появился Христосъ и началъ бы проповѣдывать народу?

Грессеръ, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Конечно, велѣлъ бы его сейчасъ же арестовать и выслалъ бы изъ Петербурга.

Жизнь наша—трудная и запутанная, разобраться въ ней нелегко; нелегко вѣрно рѣшить, какъ въ ней нужно дѣйствовать, чего держаться. И всякій въ правѣ требовать, чтобы онъ могъ выслушать о каждомъ дѣлѣ разныя мнѣнія, чтобы никому не запрещалось высказывать все, что онъ думаетъ. И всякій въ правѣ требовать, чтобы и ему самому не запрещали высказывать то, что онъ считаетъ правдою. Никто не можетъ судить, что правда, и что неправда, и запрещать говорить то, что ему кажется неправдою. Что сейчасъ кажется неправдою, завтра всѣ могутъ признать правдою. Такъ бывало уже не разъ.

Но много говорить обо всемъ этомъ совершенно бесполезно: слишкомъ попятно, что начальство не должно зажимать гражданамъ рта и запрещать говорить имъ то, что каждый считаетъ правильнымъ. Послѣ революціи прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ,—и намъ теперь смѣшно даже вспомнить, неужели такъ еще недавно мы должны были молчать

про все, что насъ интересуетъ и волнуетъ, пугливо посматривать на городского и спрашивалъ разрѣшенія у господина пристава? Теперь у насъ, какъ во всякой свободной странѣ,—свобода слова. Всякій можетъ свободно высказывать свои мысли, и никто рѣшительно не имѣетъ права мѣшать ему въ этомъ.

Свободный гражданинъ понимаетъ, какъ необходима для страны свобода слова, онъ всѣми силами стоитъ за эту свободу и не позволяетъ нарушать ее, даже когда запрещаютъ говорить то, чему самъ онъ не сочувствуетъ. Онъ понимаетъ, что, если сегодня запрещаютъ говорить другому, то завтра могутъ запретить говорить и ему самому. Поэтому онъ требуетъ, чтобы всякій имѣлъ право говорить то, что думаетъ. Этимъ-то именно гражданинъ свободной страны и отличается отъ жителя страны рабской. Всякій рабъ, конечно, желаетъ свободы слова *для себя* и для тѣхъ мыслей, которымъ онъ сочувствуетъ. Но разъ самъ онъ почуветъ за собою силу, то сейчасъ-же начинаетъ преслѣдовать другихъ за неприятыя ему мысли съ такою-же свирѣпостью, съ какою раньше другіе преслѣдовали его самого.

Приходится признаться, что мы въ Россіи еще очень плохо понимаемъ настоящую свободу слова. Мы то и дѣло грубо нарушаемъ ее, и даже сами не замѣчаемъ этого, и воображаемъ, что стоимъ за свободу.

Въ воскресенье 18 іюня по всей Москвѣ происходили рабочія демонстраціи. Вечеромъ мнѣ пришлось быть на Хамовническомъ плацу. Шелъ митингъ. Пыль густымъ столбомъ стояла надъ плацемъ. Пылающее солнце, кроваво-красное отъ пыли, заходило за пожарную каланчу. Запыленные, облитые потомъ

люди толпились передъ домою съ бѣлыми колоннами. Надъ толпою алѣли знамена съ надписями. Много было рабочихъ, еще больше солдатъ. Въ толпѣ повсюду шли оживленные разговоры, глаза блестяли, всѣ были взволнованы. Чувствовалось, что сейчасъ здѣсь случилось что-то особенное и неожиданное.

Съ высокаго крыльца председатель митинга крикнулъ:

— Товарищи! По поводу сейчасъ произведеннаго здѣсь насилія предлагаю выслушать нашего товарища, члена исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ.

Межъ двумя бѣлыми колоннами появился членъ исполнительнаго комитета, очень блѣдный и взволнованный. Это былъ старый революціонеръ-большевикъ; онъ много лѣтъ провелъ въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ и только послѣ революціи возвратился изъ Сибири. Шляпа его была измята, лицо разстроено. Лѣвая скула покраснѣла, и на ней была кровь. Началь онъ говорить голосомъ, срывавшимся отъ обиды и волненія.

Дѣло, оказывается, было вотъ въ чемъ.

Минуть десять назадъ къ толпѣ подѣхалъ на автомобилѣ студентъ, членъ партіи народныхъ социалистовъ, и сталъ раздавать солдатамъ воззванія своей партіи. Солдаты были большевики. Они услышали слово „народный“ социалистъ и рѣшили, что студентъ принадлежитъ къ ненавистой имъ партіи народной свободы. Стащили его съ автомобиля и начали избивать. Къ нему на помощь поспѣшилъ бывший на митингѣ членъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ, самъ большевикъ. Солдаты помяли и его. Еле удалось вырвать студента

изъ ихъ рукъ. Ребра у него были поломаны, изо рта текла кровь.

Членъ исполнительнаго комитета стоялъ на крыльцѣ между двумя бѣлыми колоннами и говорилъ:

— Въ проклятое время самодержавія насъ хлестали на улицахъ нагайками за то, что мы осмѣливались громко заявлять наши мнѣнія. Вотъ въ этомъ самомъ зданіи, — онъ указалъ на желтѣвшій насупротивъ хамовнической участокъ, — въ этомъ самомъ зданіи въ девятьсотъ пятомъ и шестомъ году вѣшали моихъ товарищей за то, что они боролись за свободу. Я сидѣлъ въ тюрьмѣ и ждалъ той-же участи. Могли-ли мы тогда думать, что вотъ придетъ, наконецъ, свобода, за которую мы боролись, — и на улицахъ опять начнутъ избивать людей за то, что они смѣютъ думать по-своему! И кто-же будетъ избивать? Не городовые, не стражники, а наши-же товарищи-солдаты, которые объявляютъ себя революціонерами и социалистами! Какой позоръ, какой стыдъ!.. Я обращаюсь къ сознательнымъ солдатамъ: удерживайте своихъ несознательныхъ товарищей, объясняйте имъ, что ихъ дѣйствія недостойны истинныхъ революціонеровъ, что они чернымъ пятномъ ложатся на русскую революцію. Мы, революціонеры, — мы защитники и хранители свободы, а не душители ея!..

Это все происходило 18 іюня.

20 іюня я проходилъ по Скобелевской площади и вижу: большая толпа съ ревомъ тѣснится къ крыльцу бывшаго генераль-губернаторскаго дома, гдѣ помѣщается совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Оказывается, у памятника Скобелева шелъ митингъ, говорили о прорывѣ нашими войсками австрійскаго фронта, славили Керенскаго, ругали большевиковъ,

называли их провокаторами и германскими наемниками. Одинъ социалистъ-революціонеръ сталъ заступаться за большевиковъ. Онъ сказалъ, что несогласенъ съ ними, думаетъ, что они ошибаются; но они люди искренніе, и нельзя называть ихъ провокаторами. Толпа заволновалась, зарычала и бросилась бить социалиста-революціонера. Онъ съ трудомъ вырвался и спасся въ помѣщеніи совѣта рабочихъ депутатовъ.

А поздно вечеромъ въ тотъ-же день, въ двѣнадцатомъ часу, я опять проходилъ черезъ Скобелевскую площадь. На подножкѣ фонаря вольноопредѣляющійся продавалъ съ аукціона портретъ Керенскаго въ пользу раненыхъ, принадлежащихъ къ „полкамъ 18 іюня“. А сбоку въ толпѣ слышалось сердитое переругиваніе, вскипали угрозы, выкрики.

— Наклали здѣсь нынче вашему брату въ загорбокъ! Мало вамъ? Провокаторы!

— Хочешь говорить, полѣзай на фонарь; а ты кричишь: долой! Самого тебя долой!

— Погоди, дай срокъ! Всѣхъ васъ повычистимъ! Пожилой солдатъ съ окладистой бородой стоялъ на ступенькѣ памятника и беззвучно смѣялся.

— Теперь большевикъ не суйся! Только пикни, — мигомъ успокоятъ!

Сѣдой господинъ въ золотыхъ очкахъ возражалъ:

— Нѣтъ, господа, нѣтъ! Такъ нельзя! Теперь свобода мнѣній. Всякій имѣетъ право говорить, что думаетъ. Такъ нельзя!.. Спорьте съ нимъ, убѣждайте, а насилій никакихъ нельзя примѣнять. Мы свободные граждане, у насъ свобода слова.

Изъ-за дворца поднимался золотой мѣсяць, какъ поясомъ, раздѣленный на-двое узкою тучкою. Въ окружающемъ сумракѣ кругомъ чуялось что-то зло-

вѣщее и ползучее, что-то грозно-насторожившееся. И казалось: пройдетъ еще немного времени, — и тогда въ смутномъ сумракѣ зашныряютъ повсюду темныя фигуры, и будутъ у нихъ списки въ рукахъ, и будутъ они шопотомъ что-то говорить, а потомъ толпа съ ревомъ и воемъ пойдетъ искать и выволакивать на улицу „предателей родины“.

Это все мнѣ пришлось видѣть всего лишь за два, за три дня. Раньше, мнѣ кажется, люди не такъ легко стремились сейчасъ-же зажать ротъ противнику. Всѣ еще искали, старались вдуматься, внимательно выслушивали всѣхъ, кто говорилъ. Теперь каждый съ озлобленіемъ и презрѣніемъ смотритъ на другого, каждый хочетъ слушать только своихъ, а всѣмъ, кто возражаетъ, кричить: „долой!“

Выступить представитель партіи „народной свободы“. На него глядятъ съ враждою: онъ, молъ, стоитъ за буржуазію, за помѣщиковъ. И всѣ кричать: „долой!“ И прогоняютъ оратора.

Выступить большевикъ. Всѣ начинаютъ кипѣть: а, предатель! Нѣмцамъ проданся! Бунты устраиваешь! И опять всѣ кричать: „долой!“ И зачастую жестоко избиваютъ оратора.

Если мы несогласны съ тѣмъ, что намъ говорятъ, мы можемъ и должны возражать, должны опровергать доводы, приводить свои. Но совершенно непозволительно въ свободной странѣ бороться съ противникомъ тѣмъ, что не даешь ему говорить. Правильно сказалъ одинъ русскій писатель:

Оружье свободныхъ людей —
Свободное слово!

Но мы слишкомъ еще рабы, и постоянно забываемъ объ этомъ оружіи свободныхъ людей, и даже не

можемъ понять,—какъ это: слушать то, что не правится, и не намаять боковъ говорящему!

Недавно въ одномъ петербургскомъ кинематографѣ выступилъ куплетистъ, и въ своихъ куплетахъ высмѣивалъ вождя большевиковъ Ленина. При царскомъ правительствѣ не было свободы слова, тогда строго запрещалось смѣяться надъ царемъ, надъ министрами и вообще надъ всякимъ начальствомъ. Теперь, когда у насъ свобода слова, всякій въ правѣ смѣяться надъ всѣмъ, что ему кажется смѣшнымъ. Если онъ при этомъ позволить себѣ клеветать на человѣка или касаться его частной жизни, то обиженный всегда найдетъ защиту въ судѣ. Можетъ и куплетистъ высмѣивать, кого угодно,—будь то предсѣдатель министровъ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ, союзъ русскаго народа, Керенскій, Пуришкевичъ или Ленинъ.

И вотъ зашла въ этотъ кинематографъ кучка солдатъ-большевиковъ, приверженцевъ Ленина. Услыхали они, что въ куплетахъ смѣются надъ Ленинымъ. Подняли шумъ, стали кричать и заставили куплетиста замолчать. А потомъ напечатали въ газетахъ такое письмо:

„Мы предупреждаемъ владѣльцевъ театровъ, что, въ случаѣ продолженія подъ тѣмъ или другимъ соусомъ травли товарища Ленина, мы принуждены будемъ принять соотвѣтствующія съ нашей стороны мѣры, которыя, думаемъ, не понравятся причастнымъ къ травлѣ лицамъ. Будьте благоразумны, господа владѣльцы кинематографовъ и не въ мѣру ретивые куплетисты!“

Навѣрное, эти солдаты считаютъ себя самыми настоящими революціонерами, самыми истинными „борцами за свободу“. Однако о „соотвѣтствующихъ

мѣрахъ“ они говорятъ совсѣмъ такимъ-же языкомъ, какимъ въ царскія времена говорили съ народомъ губернаторы и исправники.

Или вотъ что еще пришлось мнѣ недавно видѣть во время выборовъ въ московскую думу: выѣхалъ на Крымскую площадь автомобиль партіи „народной свободы“ и сталъ разбрасывать листки съ призывомъ голосовать за ихъ партію. На панели стояли трое рабочихъ. Они съ ненавистью оглядѣли пріѣхавшихъ, погрозились кулаками и крикнули:

— Эй, господа почтенные! Проѣзжайте-ка дальше, а то всѣхъ васъ подъ автомобиль побросаемъ.

А теперь, когда нѣмцы погнали насъ изъ Галиціи, всѣ поднялись на большевиковъ: не даютъ имъ говорить, не слушаютъ ихъ объясненій и оправданій, избиваютъ, сжигаютъ будочки, гдѣ продаются ихъ газеты. И радуются: такъ имъ, дескать, мерзавцамъ, и надо! Будутъ впередъ знать, какъ выступать передъ народомъ!

Сознательные члены всѣхъ борющихся теперь партій одинаково не сочувствуютъ попыткамъ темныхъ людей расправляться съ тѣми, кто высказываетъ неугодные имъ взгляды. Я слышалъ на Хамовническомъ плацу, какъ большевикъ упрекалъ несознательныхъ солдатъ за то, что они черными средствами самодержавія вздумали бороться съ чловѣкомъ другихъ взглядовъ. И я видѣлъ, какъ у памятника Скобелева сѣдой господинъ въ золотыхъ очкахъ, — по всѣмъ видимостямъ, членъ партіи народной свободы, — усовѣщевалъ не причинять насилія большевику.

Передъ лицомъ надвигающейся большой бѣды самыя различныя партіи и самыя враждебныя другъ другу классы находятъ общій языкъ. На пожарѣ

„буржуй“ будет качать воду рядомъ съ социалистомъ, и большевикъ схватится за одинъ багоръ съ членомъ партіи „народной свободы“. Зачинается на Руси темный подземный пожаръ, — пожаръ злобной ненависти ко всякому чужому мнѣнію: люди стремятся зажать другъ другу ротъ, скрутить, сократить, не дать пикнуть. И пожаръ только еще начинается разгораться, только-только еще начинаютъ вырываться изъ-подъ земли отдѣльные языки темнаго пламени. Осенью начнутся выборы въ Учредительное Собраніе, и тогда пожаръ можетъ запылать во-всю.

Съ этимъ пожаромъ необходимо дружно бороться одинаково всѣмъ партіямъ, потому что это выгодно всѣмъ партіямъ. Сегодня на Скобелевской площади патріоты намнутъ бока большевику, завтра на Хамовническомъ плацу большевики поломають ребра народному социалисту. Сегодня другому, завтра мнѣ. И всѣмъ партіямъ одинаково необходимо обезопасить себѣ свободу слова и выборной агитаціи, одинаково необходимо бороться за эту свободу.

Какъ-же бороться? Во-первыхъ, конечно, всѣми силами отстаивать свое право на свободу слова и свободу мнѣнія. Во-вторыхъ, не позволять самому себѣ, и не давать своимъ товарищамъ посягать на свободу слова противниковъ. А то у насъ всегда такъ: когда мѣшаютъ говорить намъ, мы возмущаемся, напоминаемъ о свободѣ слова, протестуемъ. Когда-же мы въ силѣ, мы сами всячески стараемся помѣшать говорить противнику, а когда онъ напоминаетъ о свободѣ слова, мы какъ будто даже не слышимъ и не понимаемъ, о чемъ онъ говоритъ. Что-же дивиться, если и противники наши, когда сила будетъ у нихъ, тоже не станутъ обращать вниманія на наши про-

тесты и будутъ зажимать намъ рты такъ же, какъ мы зажимали имъ. Тутъ какъ бы круговая порука, и всѣ должны стоять за всѣхъ, всѣ дружно, безъ различія партій, должны противиться попыткамъ не давать говорить оратору, кто бы онъ ни былъ. Всякій долженъ останавливать своихъ несознательныхъ товарищей и объяснять имъ, что теперь у насъ свобода слова, и что всякій имѣетъ право свободно высказывать все, что думаетъ.

62626